

■ | НОВАЯ КНИГА

Шандор Ференци

ОПЫТ ГЕНИТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Данная книга — одна из ключевых теоретических работ Шандора Ференци. Здесь он строит метапсихологию сексуальности, выдвигая ряд смелых гипотез о механике импотенции, связи сексуальных процессов с речевыми расстройствами, о затруднениях в формировании генитальности. Основным допущением, на котором возводится здание теории Ференци, является представление об амфимиксисе — перемешивании влечений и их взаимном влиянии, в том числе влиянии влечений, исходящих из одной эрогенной зоны, на функционирование другой эрогенной зоны. Амфимиксис обеспечивает генитальную функцию вкладом иных не генитальных возбуждений, суммируя энергию в кульминации полового акта. Сбои во взаимодействии отдельных вкладов, торможения, конкурирующие причины приводят к тому, что генитальная функция ослабевает, расфокусируется и приводит к стойким нарушениям. Гениталии, по Ференци, являются представителями совокупности всех сил организма и психических стремлений, воплощая в себе действенность, продуктивность и творчество. Интересной в данной работе является также попытка объединить данные психоаналитических исследований и биологические допущения. Ференци обозначает эту свою попытку как биоаналитическую точку зрения. Он ставит задачу для биологических изысканий отыскать пути и способы, по которым родовое стремление протоплазмы и индивидуальное удовлетворение объединяются в едином действии, а также то, каким образом эти две самостоятельные тенденции влияют друг на друга.

Эта книга Ференци требует внимательного и непредвзятого прочтения. Здесь намечаются перспективы взаимодействия биологии и психологии, когда последняя, не банальная, а основанная на психоаналитических достижениях, позволит двинуть дальше общенаучное знание о становлении человеческого.

ISBN 978-5-98904-227-2
84×108 1/32
120 с., обложка

■ | Ex ERGO LIBRIS

Лу Андреас-Саломе «“Анальное” и “сексуальное”»: ЦИТАТА...

В свое время Фрейд весьма характерно просмеяли, когда он обратил внимание на анальное удовольствие младенца, привязанное к задерживанию стула, и тем не менее именно через это удовольствие маленькое Я раньше всего показывает себя владеющим ситуацией, начавшейся с подавления. В то время как анальное удовольствие приносит в отрицающую влечение навязанность извне позитивный момент — аутоэротическую радость от собственной телесности, человек снова соединяется со своей подвергнутой критике телесной жизнью как идентичной ему: в анальном удовольствии Я снова соразмерно влечению, а влечение стало соразмернее Я, сознательнее, чем было в своем непроизвольном протекании, удовольствие от него стало результатом напряжения. Таким образом, человеческое Я видит себя вовлеченным в конфронтации борющихся за него с самого начала внешних торможений и внутренних позывов в качестве своеобразного уравнивателя — в какой-то степени в качестве способа действия, посредничающего между обеими этими совокупностями фактов; в их противоположности оно само приходит к проявлению своей сущности, в котором ему приходится принципиально выражать единство потребности и отречения, бытия и долженствования или — если добавить к этим уже многое предвосхищающим обозначениям сразу и самое эмпатийное обозначение, которое в последующем протекании станет самым противоречивым, — «тела» и «духа».

ISBN 978-5-98904-133-6
84×108 1/32
56 с., обложка

Катрин Дольто

НА ПУТЯХ РОЖДЕНИЯ О ГАПТОНОМИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Катрин Дольто

ISBN 978-5-98904-031-8
60x84 1/16
188 с., обложка

ЗАКАЗ КНИГ

Интернет-магазин «ERGOlibrum»:
www.ergolibrum.ru

Отдел продаж ИД «ERGO»:
market@ergo-izhevsk.ru

Цель гаптономии состоит в том, чтобы, благодаря чувству базовой безопасности и аффективной безопасности, ребенок или человек, обращающийся к нам за помощью, мог иметь доступ к своему внутреннему миру, который ему позволял бы иметь чувство различия и понимания фактов в их аутентичности, быть в гораздо меньшей степени манипулируемым, благодаря своему чувству безопасности. Именно так происходит, когда ребенок еще не родился, но он тренируется быть человеком. Происходит что-то, что запускает процесс индивидуации с самого начала такой работы — закладывание идентичности.

Другая поразительная вещь, которая отмечается в гаптономической работе, то, что у детей складывается собственный способ овладеть этой возможностью. Некоторые, например, любят только укачивание и отвечают на приглашение лишь для этого. Некоторые дают понять, что на них надо повлиять. Хорошо, чтобы было 5 качаний в одну сторону, а потом... Мы говорим: «Нет. Может это хорошо для тебя, но мне это не нравится». Таким образом, через способ предложить, отказаться, согласиться прорисовывается личность, какой она хочет быть. Одни приходят лишь на то укачивание, которое им нравится. Нет даже смысла предлагать другое. У других есть потребность пройти через первые схемы, через которые они проходили, чтобы прийти к этому удовольствию, и затем к нему возвращаться. Они не разрешают идти к нему напрямую. Схемы, которые они выбирают, зависят от моего первого предложения. Есть, наконец, такие дети, которым нравится лишь переход от одного движения к другому. Это очень симпатично, потому что мы видим, как ребенок устраивается в своем движении, и затем через несколько минут он движется медленней, делает нечто вроде маленького движения на месте и потом пускается в другое движение. И особенно приятно, что отец, мать и сопровождающий чувствуют эти движения, есть сопричастность и радость, потому что мы уже знаем, что ребенок сейчас изменит движение. Он предвосхищает наши желания, он нас слышит — и это необычайно.

И это совместное движение, когда никто из троих не управляет движением, и то, что есть эта радость подвижности, очень легкой и необычайно тонкой, испытываемой всеми, — все это мобилизует на глубинном уровне человеческое существо в его

16

Перинатальная гаптономия

жизненном становлении. Проживаемое вместе создает связи, это также создает близкие отношения. И для ребенка существует уверенность в том, что он находится в аффективной связи. Я думаю, что для родителей это означает большое доверие по отношению к ребенку. Значение происходящего велико. Я потрясена отсутствием доверия родителей к детям. Однако они верят, что у них есть доверие к ребенку. Они в этом уверены и говорят об этом. Но по сути это неправда. Родители не могут иметь доверия к детям, потому что у них нет доверия к себе. Доверие к себе вовсе не означает, что нет сомнений. Вовсе нет. Очень мало людей доверяют себе. И очень мало людей доверяют своим детям. И, тем не менее, я считаю, что для того, чтобы у ребенка дела шли хорошо, нужно, чтобы он себе доверял. Иногда он сам делает так, что теряет к себе доверие. Об этом ему надо сказать. Потом он делает так, чтобы его восстановить. Но когда это уже было пережито *in utero*, у него есть доверие. Оно пришло к нему иначе, чем у других.

Итак, есть игры, есть, конечно, голоса. Голос матери, очень интересный, ребенок знает его, ищет и узнает после рождения. Сделано много поразительных исследований об этом, в частности, работы Мари Лабуснель. А есть еще голос отца. Этот голос позволяет ребенку стать аффективным топологом, он его слышит из другого места. Также голоса сестер и братьев. Голос отца оказывает воздействие на мать. Этот голос приближается, отдаляется. Его голос приносит что-то совершенно новое, необычное: измерение пространства и времени. И с этим идет игра. Необходимо знать, что ребенок слышит голос отца своей кожей гораздо раньше, чем он начинает слышать ухом, функциональным органом слуха. Старые акушеры говорили, что кожа плода — это огромное ухо. И это абсолютно правильно. Мы все в начале своей жизни существа-вибраторы. И вибрации голоса в воде, что предполагает, что голос раздается рядом с лоном, и что голос хорошо тембрирован, он раздается достаточно долго, чтобы ребенок прилизился, они притягивают ребенка. Очевидно, все это предполагает, что то, что говорится, — это не что попало. Иначе и этически он окажется этим «чем попало». И испытываешь большое волнение от того, что за 4 месяца внутриутробной жизни ребенка, когда не работают органы слуха,

17